

В спешке уже было не до приличий и мысленных ругательств!

Она резко разжала хвост, свернутый вокруг телефона, и из наполовину человеческого, наполовину змеиного тела внезапно вырвалась невероятно жуткая, но при этом предельно сжатая сила пространственного искажения!

Вспышка!

Промелькнул ослепительный, почти комичный поток чисто-белого света. Сияние на мгновение заполнило всю комнату, подавив даже солнечный свет, пробивавшийся сквозь окно!

Словно в комнате взорвалась миниатюрная сверхновая, мощная энергия мгновенно смела всё на своем пути!

Однако эта сила пришла быстро, а ушла еще быстрее!

Световое схлопывание!

Искажение рассеялось!

В комнате снова стало светло.

Взглянув на кучу сосновых игол, можно было увидеть —

Ао Жоу с человеческим телом и змеиным хвостом бесследно исчезла.

Осталась лишь обычная дикая неядовитая белая змейка с нежной белой чешуей и настолько невинным взглядом, что никто бы не заподозрил в ней угрозу. Только что она словно была ослеплена ярким светом!

Она растерянно высунула маленький розовый раздвоенный язычок и невинно уставилась круглыми черными глазами на дверь, будто недавний феномен был лишь иллюзией от ветра, колышущего хвою.

Плюх!

Раздался легкий звук!

Почти одновременно с той самой вспышкой белого света!

Телефон, оставшийся на экране чата, от ударной волны пространственного перемещения подлетел в воздух, описав в небе изящную дугу!

Вместе с длинной вереницей сообщений он точно летел прямо на самый острый угол каменной плиты цементного пола, прямо экраном вниз!

Вот черт!

Зрачки маленькой белой змейки в куче хвои сузились!

Отражая стремительно приближающийся пол и твердый каменный угол, в голове крутилась только одна бесконечная мысль: Черт, экран моего телефона сейчас разобьется!

В самый критический момент!

Скрип —

Дверь распахнулась!

Матушка Сюй Цю вошла в комнату, неся огромную миску с ароматным тушеным цыпленком и напевая какую-то мелодию!

А в этот самый миг!

Телефон находился менее чем в тридцати сантиметрах от острого угла пола!

И прямо сейчас!

Белая изящная рука, сопровождаемая тихим треском разрываемого воздуха, словно призрак возникла прямо под падающим телефоном!

Взмах!

Надежно!

С предельной точностью!

Пять пальцев сомкнулись в нужный момент!

Гудение...

Фигура Цзян Жуньюэ бесшумно возникла в тени угла комнаты. В руках она сжимала тот самый телефон, который едва не разлетелся вдребезги.

Она опустила взгляд на последнее сообщение, застывшее на экране, а затем подняла голову и окинула сложным взглядом белую змейку, которая все еще старательно играла роль простого и безобидного существа, которое не понимает, что происходит.

Ц, — послышался едва уловимый, но полный глубокого смысла цокающий звук.

Матушка Сюй Цю как раз подошла к центру комнаты: — Юньэ? Ты когда успела спрятаться в углу? Напугала мать до смерти! Скорее! Только что приготовленный фазан! Дичь! Как же пахнет! Ешь, пока горячий...

— О, откуда дома маленькая белая змейка?

У Цзян Жуньюэ дернулся глаз.

Она глубоко вздохнула, подавляя в душе желание воскликнуть: Мама, ты сменила тему так быстро!, — и поспешно сунула телефон в карман брюк.

Затем быстро подошла и совершенно естественно подхватила белую змейку.

Цзян Жуньюэ, не меняясь в лице и не сбавляя темпа, сунула оцепенелое существо, отчаянно притворяющееся мертвым, в свой карман, который и так уже был набит до отказа.

— Мам, поставь пока на стол, я сейчас не голодна!

— Ну ладно... Тогда выпей попозже, куриный суп невкусный, когда остынет!

Сюй Цю, ничего не заподозрив, поставила горячий суп на стол и вышла.

Цзян Жуньюэ прислонилась к дверному проему в тени, не спеша выходить, и безэмоционально посмотрела на слегка выпирающий комочек в кармане, который пытался стать незаметным.

Вспоминая тот телефон, странное окно чата и ледяную фею, которая, казалось, спустилась с небес и назвала себя ее девушкой...

Все нити, словно под действием невидимой руки, начали сплетаться в звездных картах ее сознания, которое уже стало сложнее, чем ущелья гор Фуню, выстраиваясь в пугающе ясную,

пусть и абсурдную картину!

Она достала телефон с приятной текстурой, а из другого кармана — маленькую белую змейку.

— Госпожа Белая Змея...

— Девушка... — прошептала она в тишине.

— Неужели мой сценарий... слишком захватывающий?

————— Разделительная линия —————

Дни тянулись через октябрь, холодный осенний ветер окончательно сбросил маску ласкового тепла, с пронизывающим до костей инеем обрушившись на горы Фуню.

Одна за другой холодные осенние дожди превращали лесные массивы в безжизненные серые земли, вбивая влажную стужу прямо в кости.

Цзян Жуньюэ сжалась в своей комнате, глядя на свинцовые небеса за окном и поникшую под каплями дождя сухую траву.

Она надела толстую куртку, застегнула молнию до самого подбородка, пытаясь с помощью этого грубого маскировочного слоя скрыть все более странные изменения в теле.

Широкая одежда действительно могла физически скрыть те две возвышенности на груди, которые с каждым днем становились все объемнее и чувствительнее, но лицо... это было неисправимое бедствие!

Зеркало стало запретной зоной.

Кожа отражения была нежной и светящейся, словно с фильтром, и даже в полумраке она источала сияние.

Черты лица под воздействием Истинной энергии становились утонченными и холодными, от них веяло недостижимой чистотой. Брови словно дымка над горами, глаза глубокие, как холодные омуты с отблеском звезд, а губы без помады казались яркими...

Только круглота щек и упрямый изгиб рта напоминали о матери, но даже они под воздействием Техники Фиолетового Свода Чжунтянь постепенно оптимизировались, превращая ее в версию Лу Сюэци из деревни семьи Цзян!

— Это чертово совершенствование или корейский пакет пластических операций?

Цзян Жуньюэ в который раз зарычала про себя, кончиками пальцев касаясь холодной молнии куртки, словно это могло подавить панику в сердце.

Выйти на улицу?

Все держалось на вихре Звездной силы Сюаньцзи Юйхэн из Пурпурного чертога, который насильно искажал свет и ментальное восприятие окружающих!

Сила воли, словно невидимая рука, грубо подавляла зрительные нервы односельчан, навязывая сигнал:

Смотрите, это симпатичный парень, точно не женщина!

Эта способность утомляла, словно приходилось постоянно поддерживать работу голографического проектора.

В углу висел рюкзак, наполненный сосновыми иглами, откуда изредка доносился шорох.

Маленькая белая змейка была самым беспроblemным членом семьи. Большая часть времени проходила в спячке, изредка она показывалась, чтобы посмотреть на горести мира своим вечно невинным черным взглядом, а затем медленно пряталась обратно.

Цзян Жуньюэ пыталась использовать все методы — от уговоров до соблазнения закусками и попыток допросить с пристрастием.

Однако змейка либо притворялась глухой, либо хлопала глазами с явным безразличием, либо просто зарывалась глубже в хвоинки, принимая оборонительную позу спящего ребенка.

Выбросить ее?

У Цзян Жуньюэ не хватило бы духу даже подумать об этом!

Это явно было связано с эффективностью совершенствования. Без этой удачливой звезды где еще найти Траву Звездного Истока или дерево, пораженное молнией?

Дни проходили в мучении между страхом за свою внешность, постоянным ментальным воздействием на односельчан и упорным совершенствованием.

Звездный океан ревел внутри нее. Звездная энергия Сюаньцзи Юйхэн в энергетическом море

уже достигла предела Сферы вхождения в Путь!

Объем, сжатый в некое подобие твердого серебряного шара, быстро вращался, уплотняясь!

Двенадцать классических меридианов и восемь чудесных сосудов внутри тела светились, словно сеть Млечного Пути!

Тонкая бумага, отделявшая ее от второй ступени, Сферы конденсации истины, была изъедена до дыр и держалась на честном слове!

Нужно было лишь одно озарение, одна возможность, и все встало бы на свои места!

Наступил ноябрь.

Холодный морозящий дождь начался после обеда и не переставал.

Серый свет просачивался через окна, заклеенные старыми газетами, едва освещая комнату.

Отец Цзян Сы сидел у жаровни, неуклюже чиня рыболовную сеть.

Мать Сюй Цю сидела у очага, следя за пламенем и время от времени подбрасывая дрова, ее глаза были полны тревоги.

Их большая дочка в последнее время совсем перестала говорить, часами глядела в пустоту, и вид ее заставлял сердце матери сжиматься.

Цзян Жуньюэ сидела, скрестив ноги, на жесткой кровати в своей комнате, погрузившись в созерцание сознания и осторожно пытаясь прорвать барьер Сферы конденсации истины последними крупницами несжатой энергии.

В этот момент —

У-вум —

Низкий, глубокий гул двигателя, не вписывающийся в шум дождя и похожий на рычание зверя, приближаясь, прорезал пелену дождя и ясно докатился до их двора!

Цзян Жуньюэ резко открыла глаза, □□хрь в Пурпурном чертоге сильно заколебался!

Это не ошибка!

Этот звук... небесно-голубой... М4?

Сердце внезапно сжалось!

Шш...

Четкий звук шин, давящих на мокрую, скользкую грязь, стихло у ограды двора.

Отец и мать в доме тоже замерли, недоуменно глядя в окно.

Тук, тук, тук.

Раздался тихий, но невероятно четкий стук в дверь.

Неспешный, с точной ритмичностью, он стучал по старой деревянной двери, повидавшей немало невзгод.

Отец Цзян Сы, словно очнувшись, бросил сеть и иглы. Его походка была немного суетливой, он пересек коридор и подошел к калитке.

Он сглотнул, охваченный необъяснимой паникой, и открыл дверь.

Ветер и дождь, принеся холод, ворвались внутрь.

Но присутствие человека снаружи мгновенно развеяло весь холод!

Стройная, но прямая, словно снежный пик, фигура молча стояла у грязной изгороди. Дождь словно обтекал ее голову, как будто его отгонял невидимый зонт, и даже волосы не намокли.

Все то же белоснежное длинное пальто, ослепительно чистое, пояс на талии подчеркивал захватывающий дух изгиб фигуры.

Черные, как чернила, волосы были аккуратно уложены. Лицо под серым небом казалось высеченным из льда. Стекловидно-серые глаза скользнули по лицу отца Цзян Сы с остатками ужаса, без единой эмоции, словно сканер считывал штрих-код.

Цзян Жуньюэ в доме тоже больше не могла усидеть.

Кожа головы онемела, тело пронзило током!

Она глубоко вздохнула, заставляя себя успокоиться, поднялась, открыла дверь и вышла.

Шаги были легкими, наполовину из-за задержки в работе техники, наполовину из-за землетрясения на уровне души.

Мать Сюй Цю тоже выглянула из кухни, держа в руке кочергу, на ее лице смешались удивление, любопытство и своего рода трепет, с каким сельская женщина смотрит на образованного человека из города.

— Доченька... ты... кого ищешь?

Мать осторожно заговорила, ее взгляд был прикован к нечеловечески прекрасному лицу Лу Сюэци, голос стал на восемь тонов тише, чтобы не потревожить небожительницу, сошедшую с картины.

Взгляд Лу Сюэци мгновенно скользнул через плечо отца и, как лазер самонаводящейся ракеты, намертво зафиксировался на Цзян Жуньюэ, только что вышедшей из комнаты.

Затем.

В сумраке дождя во дворе семьи Цзян.

В оцепенении отца Цзян Сы.

Под взглядом Сюй Цю, в котором смешались восхищение и растерянность.

Уголки губ Лу Сюэци — изогнулись!

Это не была улыбка, полная земного тепла, это было скорее подобно изгибу кончика лепестка снежного лотоса, тысячи лет скованного льдом!

Холодная, чистая, с неземным, вызывающим на мгновение оттаивание ледника... ослепительным сиянием!

Словно оптимальный изгиб лицевых мышц был рассчитан с математической точностью, чтобы выполнить программную настройку: приветствие при первой встрече!

Эффект этой улыбки был смертелен!

Мать Сюй Цю на мгновение словно поразило световой гранатой, кочерга с грохотом выпала из рук, рот раскрылся в форме буквы О, глаза остекленели, а душа, казалось, была похищена этим

отблеском снежного лотоса!

Отец Цзян Сы издал непонятный хриплый звук, а пальцы, опиравшиеся на дверную раму, едва не вонзились в дерево!

Цзян Жуньюэ почувствовала, как кожа головы взрывается, ледяной холод прошел от копчика до кончиков волос!

Началось!

Она снова пришла!

И даже эволюционировала!

Научилась улыбаться?

Кошмар!

Стекло-серые ледяные глаза Лу Сюэци пронзили дождь, глядя прямо в глаза Цзян Жуньюэ, которая была перепугана и насторожена, как взъерошенный кот.

Ледяные губы приоткрылись, голос был чистым, как кристаллы, каждое слово — предельно ясным.

Голос без тени шутки или человеческих эмоций снова прозвучал как приговор судьбы.

— Тетушка.

Она слегка кивнула Сюй Цю, чья душа только что покинула тело, и снова уставилась на Цзян Жуньюэ, как снайпер на цель.

Тон оставался холодным, но содержание было сногшибательным.

— Я девушка Цзян Жуньюэ.

— Бум!

Последняя струна разума в голове Цзян Жуньюэ лопнула!

Невыразимый ужас, смешанный с чувством позора, нелепости, стыда и долей отчаяния оттого, что этот мир окончательно сошел с ума, пронзил всё тело, словно ток высокого напряжения!

Она пошатнулась и чуть не рухнула в чан с водой!

Красивое лицо, которое она с помощью силы воли старательно пыталась сделать мужским, мгновенно потеряло все краски, став бледнее, чем серый раствор соседней стены!

<http://bllate.org/book/18961/1859955>